

В ДОЛИНЕ ПЯТИ ЛЬВОВ

Итак, я по приказу комдива отправился в Панджшер, «долину пяти львов» в переводе с афганского. А точнее, с таджикского, потому что основное население в этом уезде составляли таджики. Как такового, афганского языка вообще не существует, а есть два государственных языка: дари (таджикский) и пушту (язык пуштунов — коренных жителей Афганистана, живущих южнее горного хребта Гиндукуш).

Долина реки Панджшер простирается на глубину до 250 км вплоть до пакистанской границы и имеет огромное количество пещер, нор, ущелий, перевалов, проходов, прилегающих к основной долине и со свободными выходами в Бадахшан, Кунар и Лагман, Андараб, Тагаб и Ниджраб, в долину Горбанд, зеленую зону Парвана, в Кабул, а также на основную автомагистраль, соединяющую Кабул с Термезом, в районе южнее перевала Саланг.

Ширина долины от 8–10 км в начале до 1–2 км в конце. Хребет Гиндукуш, проходящий по северной стороне долины имеет высоты от 3 до 7 тысяч метров, горы же на южной стороне более низкие, но тоже не менее 2–5 тысяч метров.

Это я рассказываю к тому, чтобы прежде чем рассказывать о боевых действиях в горах, необходимо показать условия, в которых приходилось вести эти действия.

Во все годы Панджшер имел несколько особый статус и всегда считался более независимым, чем другие районы Афганистана. Во-первых, его географическое положение:

высокогорная местность, горные перевалы, открытые для движения несколько месяцев в году. Во-вторых, мононациональный состав населения — одни таджики, причем, всего только нескольких племен. Здесь наиболее сильны родовые кланы, жители Панджшера дисциплинированы, организованы, несколько даже особо фанатичны в вопросах религии.

У Ахмат-Шаха Масуда, руководителя партии Исламское общество Афганистана (ИОА), по данным нашей разведки, было около 160 вооруженных формирований (в т.ч. непосредственно в долине — около 100, и в прилегающих районах — 60) с общей численностью более трех тысяч человек. Они не признавали новую власть в Кабуле и представители этой власти, правительственные войска и Царандой (милиция) находились практически в осаде в панджшерских гарнизонах.

Из советских войск в уездном центре Руха находился 2-й отдельный мотострелковый батальон (177 отряд специального назначения) под командой подполковника Керимбаева. Эта часть практически постоянно была под угрозой обстрела с окружающих ее гор.

Предыдущая Панджшерская операция проводилась в мае-июне 1982 года, проходила тяжело, с немалыми потерями для нас. Официальную цифру так и никогда не обнародовали, но по слухам, там погибло тогда свыше 100 человек наших. Погибших афганцев же, как правительственных, так и мятежников не считали вообще. «Духи», по словам очевидцев, сопротивлялись отчаянно, пытаются удержать свои районы. Многие пещеры и дома были превращены в огневые точки и приходилось прилагать большие усилия, чтобы их уничтожить.

Однако, как говорят, против лома нет приема. Руководитель мятежников Масуд понял, что рано или поздно их все равно загонят в угол и уничтожат. Вышел с инициативой

о проведении переговоров, примирении и признании новой власти. По политическим соображениям, эта инициатива была принята, прошли переговоры, подписано соглашение сроком на 2 года, и советские и афганские войска покинули Панджшер, оставив в целости и сохранности многочисленные и хорошо вооруженные отряды мятежников.

Прошло два года. Масуд не собирался признавать власть, восстанавливал свою армию, инфраструктуру, вел пропагандистскую работу, настраивая жителей против властей и контингента Советских войск.

В апреле заканчивался срок договора о перемирии, продлять его он не стал. Естественно, что на апрель была назначена карательная акция против Масуда и не надо было много иметь ума, чтобы догадаться об этом.

Операция началась 14 апреля. Однако тактика мятежников была уже совсем другой, чем в 1982 году. Широко объявив местным жителям о том, что «шурави» (советские) применяют отравляющие вещества, они потребовали от них, чтобы те покинули Панджшер. Афганцу, чтобы уйти много времени не надо. Погрузил на лошадь или ишака пару узлов с одеялами и подушками, взял пару кувшинов да кастрюль, полмешка муки да сахару, жену и детей за руку — и вперед. Остальное, если оно у него есть, закопал где-нибудь поблизости от дома.

Поэтому когда наши войска вошли в Панджшер, их ничего, кроме противопехотных мин их не ждало. А мин там было предостаточно еще с предыдущей операции. Кроме обычных противопехотных мин, установленных саперами, наши в большом количестве высыпали с самолетов авиационные мины «Лепесток», чтобы заблокировать выходы из Панджшера, всего, как говорили, более 1 млн. мин.

Мина «Лепесток» — это пластиковая подушечка зеленого цвета, размером чуть больше спичечной коробки. В ней даже нет взрывателя, а только жидкое взрывчатое ве-

щество (ВВ), которое при сжатии его взрывается. Силы взрыва достаточно, чтобы сантиметров на 10 оторвать наступившую на нее ногу.

По техническим характеристикам, эта мина самоликвидируется, т.е. сама взрывается через 3–4 суток. Однако, 5–7% этих мин не самоликвидируется, опять же по техническим причинам. Она будет лежать в траве, пыли, грязи, воде и 100, и 200 лет, пока кто-нибудь на нее не наступит, и тогда она свою работу выполнит. А что такое 5–7% от 1 миллиона? Это 50–70 тыс. мин.

Ведь в первые несколько дней операции от подрывов на минах только в нашей дивизии пострадало около 50 человек, ставших инвалидами. Погибших не было, но это — слабое утешение.

В середине дня 25 апреля вертолет МИ-8 мягко опустился около небольшого кишлака Анава, и я впервые стал на землю Панджшера. Первое впечатление: кругом высокие горы, деревьев почти нет, пыль и нищета как в подавляющем большинстве горных кишлаков.

Разведбат расположился на склоне горы — около 120 пыльных и усталых солдат и офицеров. С ними взвод саперов, минометный взвод 82-мм минометов. Всего где-то чуть больше 150 человек. Небогато, по обычным меркам половина батальона — 1,5 роты. А задача предстояла серьезная.

Собрал всех офицеров, их тоже немного: 6 разведчиков, сапер — командир роты спецминирования Миша Рябов, артиллерийский корректировщик, авианаводчик. Вместе со мной и переводчиком Намозом Якубовым — 11 человек. Все люди обстрелянные, проверенные в деле, хорошо знавшие друг друга.

Ставлю задачу: завтра с утра начинаем выдвижение в горы, выходим на перевал Арзу, далее по ледникам выходим к реке Арзу и вдоль нее спускаемся в долину реки

Хребет Гиндукуш, перевал Арзу. Высота 4805 м. 1984 г.

Андараб к кишлаку Бану, где блокируем этот район и совместно с 395 мсп, который продвигается по долине навстречу нам, уничтожаем мятежников и не даем им прорваться в горные районы северных провинций Тахар и Бадахшан.

Остаток дня прошел в подготовке к боевым действиям: организации взаимодействия, пополнении запасов, проверке связи и т.д.

С рассветом 26 апреля мы начали подъем в горы. Я и раньше, а теперь тем более, удивлялся альпинистам, проводящим свой отпуск в горах. Добровольно идти на такие мучения? Правда, мы были не альпинисты — нам было намного хуже. Ведь альпинист в легкой специальной одежде, со специальным горным снаряжением, палатками, спальными мешками, компактным специальным горным пайком был по сравнению с нами горным орлом.

Представьте солдата в обычных ботинках или кроссовках, в бушлате, панаме, с вещмешком типа «сидор» в котором находится 400 патронов, 4 гранаты, сухой паек, фляга

с водой, котелок, плащ-палатка. Да несет на себе еще для общего пользования 2 мины к 82-мм миномету да 1–2 кг взрывчатки. Я уже не говорю, что при нем автомат, 4 магазина с патронами, пара сигнальных ракет, штык-нож. Все это тянет килограмм на 30–35. Кто не верит, пусть возьмет 2-х пудовую гирию, повесит ее себе на шею и походит с ней хотя бы час. А тут не просто идти, а сутками идти вверх-вниз, все время в готовности к вступлению в бой. Вот так мы и шли в течение всего дня, постепенно поднимаясь к перевалу.

По тропинке, что вела вверх шли очень осторожно, т.к. видели несколько пустых контейнеров от авиационных мин, значит и мины где-то здесь. Впереди, как всегда, шли саперы с длинными палками (2–2,5 м) с самодельными лопатками на конце. Увидев «Лепесток», сапер осторожно поддевал его лопаткой и отбрасывал в сторону. Визуально эту маленькую мину было обнаружить очень тяжело: пролежав на земле 2 года она покрывалась пылью и грязью и ничем не отличалась от камней, во множестве лежавших вокруг. Но, к счастью, мин на тропинке и рядом не было, видимо за этих 2 года на них или кто-то подорвался, или их уничтожили.

На высоте 3000 метров началась зона вечных снегов. Снег, лед, камень — вот весь пейзаж. К перевалу Арзу вышли только к вечеру. На перевале был пост мятежников, человек 7–8. Они обстреляли нас издали из винтовок, мы развернули минометы, сделали по ним несколько выстрелов и они разбежались.

Ночевать пришлось на перевале. Высота над уровнем моря 4805 метров. Температура минус 5. Хорошо, что еще не было ветра, а то было бы гораздо хуже. Бывалые солдаты запаслись еще внизу в кишлаке всякими одеялами, у нескольких офицеров были трофейные спальные мешки. Лагерь наш стал напоминать цыганский табор, но тут было

не до красоты и воинского порядка. Собравшись по несколько человек, прижавшись, друг к другу, закрывшись одеялами, мы наверно напоминали стаю бездомных собак зимой, но надо было как-то спать — предстоял очень трудный день.

Все, в том числе и я, так физически устали, что проспали даже рассвет. Оговорюсь сразу, охранение было выставлено надежное, да и были мы на самой вершине, выше нас было только солнце.

Вечером, когда мы выходили к перевалу, уже опустился туман и толком ничего не было видно. Теперь, с восходом солнца перед нами предстала воистину величественная панорама гор. Заснеженные шапки вершин, темные провалы ущелий, сверкающий снег. Ярко-синее небо. И звенящая тишина.

Красиво конечно, но мы не туристы, любующиеся природой. Теперь нам надо спускаться с перевала и выполнять боевую задачу. А это оказалось очень непросто. Дело в том, что спуск представлял собой узкий серпантин шириной в полметра, справа скала, слева пустота. Осторожно начали спускаться. Спустились метров на 200 вниз. Дальше ледник, замерзшее озеро. Кругом трещины, провалы. Один неосторожный шаг и все...

Альпинисты всегда ходят в связке, т.е. связанные страховочной веревкой. И если один поскользнулся или оступился, то напарник его удержит. На ботинках у них съемные специальные шипы (трикони), врезающиеся в снег. В руках не автомат, а ледоруб. Опять же чтобы вбивать его в снег и не оступиться. Мы же шли так, как будто вышли воевать в пески, а случайно оказались в высокогорье. Наша дивизия, которая воевала уже полгода не просто в горах, а в высокогорной местности, не имела ни одного комплекта высокогорного снаряжения!!!

Мало того, в дивизии не было ни одного инструктора по альпинизму. До всего предлагалось дойти своим умом, через синяки и шишки. Хорошо, что среди нас был офицер — старший лейтенант Николай Курсин, в прошлом двухгодичник, в студенческие годы увлекавшийся альпинизмом и имевший несколько восхождений. Он-то нам и рассказывал азы альпинизма, что и как укладывать, как сделать самодельные солнцезащитные очки, что надо обильно смазывать вазелином лицо, особенно губы, что в движении надо максимально раздеваться, чтобы одежда была сухой и очень много всего, что нам был должен рассказывать инструктор. А если бы не было Курсина?!

Дальше склон, по нему надо пройти метров 600. Опять узенькая тропинка в снегу, ниже по склону обрыв, а под ним ущелье, глубиной метров 300–400. Раз нет ледоруба приходится использовать автомат. Обмотав ствол тряпкой, чтобы в ствол не набился снег, с силой втыкаешь его в спрессованный снег, и, держась за него, делаешь шаг, и так далее. Скажу, что пока мы проходили этот склон, я внутренне молился всем богам, чтобы нас в этот момент не обстреляли с какого-нибудь склона или соседней скалы. Мы были абсолютно незащитны как мишени в тире и мало того, каждое неосторожное движение могло привести к срыву в пропасть. Хотя я и приказал развернуть минометы на леднике, чтобы прикрыть наше движение, однако на них надежды было мало.

Но на этот раз пронесло. Мы успешно преодолели склон, потом еще ледник, потом еще серпантин и спустились к реке. Здесь сделали небольшой привал, дождались минометчиков и тыловое охранение.

Позавтракали, а заодно и пообедали, есть пришлось всухомятку, ведь ни травы, ни кустарника вокруг не было, одни скалы, снег и лед. Попытались все-таки вскипятить хотя бы чай на таблетках сухого спирта — не получается.

На такой высоте, а было еще не менее 4000 м, вода закипает при температуре приблизительно 70 градусов и чай не заваривается. Интересно смотреть: можно кипящей водой мыть руки, а вода только горячая и не обжигает кожу.

Дальше мы пошли вдоль горной реки Арзу, начинаясь от ледников, вниз. Я приказал выслать дозоры в стороны, и горы даже на такой высоте, к удивлению, оказались не такими уж безжизненными. Привели несколько крестьян, мирные ли жители, душманы ли — кто их знает? Поговорив с ними через переводчика Намоза, я отпустил их.

Однако не все так мирно, в одном из прилегающих ущелий, дозор обнаружил крупнокалиберный пулемет ДШК китайского производства, он стоял на треноге и был замаскирован кустами. Но никого вокруг из людей не нашли. Я прямо физически ощущал, что десятки глаз наблюдали за нами. Пулемет я приказал саперам взорвать, что они и сделали. Нести его с собой было просто невозможно, так как и без того было тяжело.

Чтобы как-то снизить эффективность огневого поражения от возможной засады, я приказал рассредоточиться, растянуться, ни в коем разе не собираться в группы, выслал еще несколько дополнительных дозоров.

Когда мы спустились ниже 2500 м, появилась возможность вызывать вертолеты и они, периодически пролетая над нами, вселяли уверенность.

Природа уже сильно изменилась. Снег и лед исчезли, начались высокогорные луга. Ну а где трава, там и отары овец. Пастухи все разбегались при нашем появлении, и спрашивать было не у кого.

К вечеру, когда мы остановились на ночевку, солдаты быстро забили и разделали барана, все уже предвкушали горячую шурпу и свежее вареное мясо, но опять то же самое: вода кипит, а мясо не варится. Пришлось есть что-

то типа шашлыка — мясо, обжаренное на шомполе. Ясно, что жесткое горелое мясо — не пища гурманов, но усталым и проголодавшимся людям это сошло за деликатес.

Что радовало, так это обилие холодной, свежей и вкусной воды. Вода в Афганистане — проблема. Даже если она есть — это мутная солоноватая жижа, не утоляющая жажду. И растворенный в ней пантоцид (таблетки хлора) абсолютно не добавляет приятных вкусовых ощущений. А тут море настоящей горной снеговой воды.

О роли воды в горах, я знал не понаслышке. В октябре 1983 года мне пришлось тоже вместе с разведбатальоном воевать в горах Карабатур в 50 км от Кундуза. Горы там были невысокие: 1700–2000 м. Там была полная сушь, воду доставляли вертолетами, помню, делили ее чуть ли не граммами, по 2–3 крышечки от солдатской фляги на каждого. Кто видел эту крышечку — меня поймет.

С утра третьего дня пошли дальше. Мы уже были ниже 2000 м и вокруг уже начинался обычный афганский пейзаж: черные горы, пыльные камни, чахлая трава и кусты. Начались первые стычки с душманами. Конечно, наш рейд

Подполковник В. Н. Тихонов,
командир 783 орб
и подполковник Н. М. Кузьмин,
НР 201 мсд. Кундуз, горы Карабатур.
Октябрь 1983 г.

от перевала к Бану, не был для них внезапным, т.к. видимость с прилегающих гор была до 15 км и наш походный порядок и дозоры,двигающиеся со скоростью 5-6 км/час, не могли кого-либо застать врасплох.

Для крупного нападения у них не хватало сил, да и видимо решительности, т.к. здесь уже были другие люди, не панджшерцы, а андарабцы, для которых Масуд хоть и был авторитетом, но не настолько, чтобы отдавать за его интересы свою жизнь. Я много говорил с местными. Большинство из них рассуждало так: нелады с властями и «шурави» — у панджшерцев, это их проблемы. Мы имеем свою голову и сами решаем, как нам жить. Поэтому они сами по себе, мы сами по себе. Посмотрим, что нам даст народная власть, если будет лучше — мы ее поддержим.

Дело в том, что власти, пришедшей в 1978 году, как они сами себя называли — народной, здесь не было вообще. А прошло уже 6 лет. Власть была в руках, как сейчас говорят, местных полевых командиров, которые были здесь и бог, и царь, и воинский начальник.

В районе кишлаков Кадждара и Лагак были небольшие стычки дозоров, но местные жители все валили на панджшерцев, небольшие группы которых бродили по окрестностям. По словам местных крестьян, основная их масса вместе с Масудом ушли на север в Хост-Ференг и далее в провинцию Тахар, где власти горные районы не контролировали.

28 апреля в день Саурской революции (апрельской революции) мы, наконец, вошли в Бану, где встретились с подразделениями 395 мсп нашей дивизии. Туда вскоре прибыл и командный пункт дивизии вместе с командиром дивизии. Туда же прибыла техника разведбата вместе с командиром батальона подполковником Тихоновым, которому я передал власть и принялся выполнять свои непосредственные обязанности.

В последующие дни мы оборудовали полевой лагерь на окраине Бану. Операция только началась, и мы были в этом районе почти 2 месяца. Подразделения 395 мсп и разведбата ежедневно осуществляли выходы на реализацию разведывательных данных, действовали в составе вертолетных десантов. Позднее во второй половине июня с нами стали действовать наши новоиспеченные союзники — бывшие душманы Джумахана.

Жизнь казалось входила в нормальное русло. Но, как я уже раньше говорил, жизнь — тельняшка. И пришел черед для очередной черной полосы.

3 мая две роты разведбата, человек 50, пошли для проверки результатов авиаудара в кишлак Лагак. Расстояние было в одну сторону около 12 км. Возглавлять их должен был Тихонов. Но он сам не пошел, а назначил старшим этой группы командира разведывательно-десантной роты, недавно прибывшим из Союза вместо Игоря Плосконоса, который в феврале уехал по замене. Естественно, что этот офицер боевого опыта не имел, но, уже пару раз выйдя на боевые действия, не считал себя новичком.

Самое плохое было не в том, что Тихонов не пошел с разведотрядом, видимо у него еще побаливала нога, а том, что никому об этом не доложил, развернул свою командно-штабную машину рядом со своей палаткой и держал связь с ротами. Обратись он ко мне, я бы нашел ему замену — офицера с боевым опытом. А тут получилось, что неопытный офицер возглавил разведотряд.

Я же выходя по радио на него считал, что он вместе с ними, а он находясь в 500 м от меня создавал видимость своего присутствия с подразделениями.

Ну и получилось то, что должно было получиться, когда бой ведут неопытные, а хуже того, безответственные люди.

Проверив результаты авиаудара, о которых доложил мне Тихонов, разведотряд стал возвращаться. Тихонов продублировал мою команду в пешую группу и пошел обедать. Где-то часа через три вдруг послышалась отдаленная стрельба и на центр боевого управления дивизии сообщают, что подразделения разведбата попали в засаду и ведут бой. До района боя было около 1,5 километров.

Комдив немедленно поднял по тревоге мотострелковую роту и направил ее на помощь разведчикам. Я же по радио выхожу на Тихонова и требую доложить обстановку, он путается, что-то мычит. Начинаю понимать неладное, прямо спрашиваю, где он находится. И вот тут-то выясняется, что он весь день просидел от меня в 500 метрах и никуда не выходил.

Я был этим буквально сражен. Но сейчас не до Тихонова, надо выручать людей. Вместе с переводчиком Намозом и еще несколькими офицерами выходим навстречу. Из радиопереговоров понял, что разведчики попали в засаду, есть убитые и раненые. Действительно, выходят сначала наши, потом мотострелки, потом афганские солдаты. Несут убитых и раненых.

Начинаю разбираться. Пострадали только разведчики: они бы и самостоятельно смогли отбить нападение, но, как и в Дарвазе, погибшие были в первые минуты боя от огня в упор.

Убитых 8 человек, среди них два офицера: командир танкового взвода 2 роты старший лейтенант Василий Павлюк и артиллерийский корректировщик Михеев. Убитых солдат шестеро. Из них четверо «дембелей», которые через месяц должны были ехать домой.

Тяжело ранен и без сознания командир взвода старший лейтенант Олег Антоненко, получили серьезные ранения, но держались на ногах, замполит роты старший лейтенант Стрельчук и командир взвода старший лейтенант Шапка-

рин. Ранено еще 4 солдата, один тяжело — 6 пулевых ранений, но в сознании. Убитых положили в ряд у палатки медсанбата, раненых занесли внутрь и начали оказывать им помощь.

Что же получилось? «Духи» из панджерской группировки Ахмад-Шаха численностью около 15–20 человек, увидев группу наших разведчиков, утром выходящую в Лагак, решили напасть на нее по возвращению в лагерь. Подготовили засаду в заброшенном саду, верно посчитав, что уставшие «шурави» (а они прошли более 20 км пешком) назад не пойдут более трудной дорогой по гребню высоты, а спустятся в долину и пойдут именно через этот сад.

Так оно и получилось, хотя у нас всегда действовало железное правило — одной и той же дорогой никогда не ходить. Пошел в засаду одной дорогой — возвращайся другой, иначе сам в засаду попадешь. Это знали все кроме нового командира роты. А другие офицеры не стали спорить, тем более до расположения было уже недалеко и наш лагерь был им был виден — рукой подать. И ведь сами поплатились за это, из всех офицеров целыми остались лишь двое: командир 3-й роты и авианаводчик, остальные 5 были или убиты, или ранены.

Самым безвыходным в этой ситуации было то, что нельзя было немедленно вызвать вертолеты, чтобы эвакуировать раненых. Наступила ночь, а ночью вертолеты в горах не летают. У нас было двое тяжелых, им требовалась немедленная операция. Олег Антоненко был ранен в печень, у него было сильное внутреннее кровотечение, к утру он умер. Раненый сержант из 3-й роты, уже не помню его фамилию, несмотря на 6 пулевых ранений, выжил.

Считаю большим просчетом командования, не взявших на боевые действия полевою операционную машину с бригадой скорой помощи. Ведь раньше это делалось. А на данную операцию почему-то не взяли, видимо рассудив, что

Старший лейтенант О. Антоненко, командир рв РДР 783 орб

Старший лейтенант В. С. Павлюк, командир тв 2 пр 783 орб

не понадобится. Этот просчет стоил жизни Антоненко, так как в данной ситуации, кроме капельниц, помочь ему было просто нечем. Только немедленная операция могла его спасти.

С рассветом прилетели вертолеты, взяли тела убитых и раненых и каждый полетел по назначению: раненые в госпиталь, убитые в морг.

Хорошо помню, как утром, перед прилетом вертолетов, я пришел проститься к зданию маленькой школы на берегу горной речки в кишлаке Бану. Погибшие лежали в ряд, накрытые брезентом. Крайний справа был Олег Антоненко. Рядом лежал Василий Павлюк, Михеев и шестеро солдат. Я отдал честь погибшим товарищам, что я мог сделать? Чем помочь? Мог только отомстить за них.

Комдив был в ярости от поступка Тихонова. Даже хотел возбудить по нему уголовное дело. Но потом остыл, кто будет сам себе ЧП создавать? Досталось, конечно, и мне.

Короче, отделался Тихонов легким испугом, но комдив ему этого не простил. Так за 1,5 года его службы в дивизии его не представили к ордену, который у нас получали все разведчики, да и не по одному.

Встреча с Тихоновым после Афганистана у нас состоялась в 1994 году в Киеве 9 мая на военном кладбище, где однополчане собирались на могиле Олега Антоненко. После кладбища поехали домой к его матери Евгении Александровне, всегда устраивавшей поминки по Олегу в этот день. Тихонов после Афганистана служил в разведуправлении ТуркВО, потом стал преподавателем в академии им.

М. В. Фрунзе, с развалом Союза уволился из армии и жил в Москве, занимаясь бизнесом.

В Киев приехал по каким-то своим делам. За столом он пространно вспоминал свою службу в Афганистане, потом начал мне давать советы как надо жить и служить. На первом же перерыве я молча, не прощаясь с ним, ушел, о чем и до сих пор не сожалею. Его я, конечно, не обвинял и не обвиняю в гибели разведчиков, но неприятный осадок в душе остался до сих пор.

Через несколько дней после гибели наших разведчиков я решил провести акцию возмездия, и мы провели ее в форме диверсии против местных андарабских душманов. Диверсия — способ скрытого, активного воздействия на противника — редко применяется в войсковой разведке. Обычно, это прерогатива спецназа и особенно агентурной разведки.

Однако, благодаря полученным от агентурщиков разведанным, появилась возможность крепко насолить местным «духам» и упустить эту возможность я не мог. Согласия начальства я даже и не пытался получить, потому как заранее знал, что откажут.

Весь замысел состоял в том, что я узнал место и время сборов местных главарей. Они собирались почти каждое утро где-то с 7 до 9 утра в большой двухэтажной чайхане в центре кишлака (уж не помню его название) где-то в 15 км от нашего расположения.

Что делать? Можно было бы конечно нанести авиаудар, но мы не знали, где находится эта чайхана, не было наводчика, который бы показал место удара, да и точность бомбометания оставляла желать лучшего. Совершить туда рейд, окружить кишлак и уничтожить «осиное гнездо» тоже не представлялось возможным, т.к. двигаясь по горной дороге с черепашьей скоростью, вряд ли можно было рассчитывать на какую-то внезапность. Можно было, конечно, высадить

там вертолетный десант, но у «духов» там были зенитные пулеметы ДШК, а новых потерь я не хотел.

Сделал так. Доложил комдиву, что в этом кишлаке находится склад оружия, предложил провести его захват. Комдив дал «добро» и утром следующего дня я с разведротой и отделением саперов выдвинулись к кишлаку, оцепили его и начали искать мифический склад с оружием. Пока солдаты прочесывали кишлак я с переводчиком Намозом и саперами нашли ту самую двухэтажную чайхану. Именно ту, поскольку в кишлаке было еще 2, но в одноэтажных зданиях.

Выгнав хозяев на улицу, мы оцепили чайхану и начали щупами искать схроны. В общем-то, я и не ожидал там что-либо найти, но нужен был повод для проверки. На первом этаже в земляном полу саперы быстро вырыли шурф глубиной более 1 метра, и мы установили там заряд тротила килограммов на 20 с часовым взрывателем. Время взрыва

После боя в к. Карабатур. Октябрь 1983 г.

было установлено на трое суток, приблизительно 69 часов, то есть на 8.00 третьего дня.

Установив мину-сюрприз, мы замаскировали место ее установки, еще час порылись во дворе и других комнатах. Солдаты в других домах нашли несколько старых винтовок, патроны, ножи. Задача была выполнена и мы возвратились в расположение без приключений. Доложив начальнику штаба о результатах, я стал ждать истинного результата нашей акции.

На третий день рано утром я с взводом разведчиков выдвинулся в сторону кишлака и к 8.00 был уже на горе, с которой хорошо было видно кишлак.

Ровно в 8.00 над кишлаком вздыбился дым и пыль, донесся раскат далекого взрыва. Мина сработала, теперь надо было ждать результаты нашей работы. Они не замедлили себя ждать: по сообщению агентурной разведки взрывом было уничтожено 2 главаря банды и 8 местных самых зловредных стариков, активных фундаменталистов ислама, заставлявших молодежь идти в банды и сражаться с «неверными».

Никто даже не догадался от чего произошел взрыв. Местные афганцы считали, что это наш самолет сбросил на них бомбу. В штабе дивизии я доложил, что возможно у самих «духов» случайно что-то взорвалось (бывало и такое), так как полетов авиации в этот день там не было. Короче говоря, отомстили «духам» за наших погибших разведчиков.

Про этот переход через Гиндукуш и все, что с ним связано, я всегда вспоминаю, глядя на маленький круглый знак «Альпинист СССР», который я получил через несколько месяцев вместе со всеми, кто участвовал в этом походе. Храню его вместе с орденами и медалями и для меня он дорог не меньше чем они.